

ПРАВДА
войны

**АЛЕКСАНДР
ШИРОКОРАД**

ВЕЛИКАЯ ДЕПОРТАЦИЯ

Трагические итоги Второй мировой

Правда войны

Александр Широкоград

**Великая депортация. Трагические
итоги Второй мировой**

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622-4

Широкорад А. Б.

Великая депортация. Трагические итоги Второй мировой /
А. Б. Широкорад — «ВЕЧЕ», 2025 — (Правда войны)

ISBN 978-5-4484-5451-6

В советское время говорить о депортациях и переселениях мирного населения в 1939–1949 гг. было не принято. В свою очередь отечественные и западные русофобы сделали эти процессы любимым коньком своей пропаганды. Что же происходило на самом деле в Восточной и Центральной Европе, США, на бескрайних просторах Тихого океана и в других районах земного шара? Об этом рассказывается в книге Александра Широкорада «Великая депортация». Автор не ограничивается пересказом дошедших до нас служебных документов и свидетельств очевидцев, а дает и анализ степени их достоверности. Понять причины переселений и депортаций, а тем более дать им моральную оценку невозможно без краткого исторического экскурса. В каких-то случаях для этого достаточно и нескольких месяцев, а где-то — десятков или даже сотен лет. Автор впервые строго классифицировал понятия «депортация», «переселение» и «репатриация», которыми уже более полувека манипулируют «наперсточники от истории». Книга издается в авторской редакции. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622-4

ISBN 978-5-4484-5451-6

© Широкопад А. Б., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Депортация немцев из Польши	11
Глава 2. Депортация поляков поляками	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

А. Б. Широкоград
Великая депортация. Трагические
итоги Второй мировой

© Широкоград А. Б., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Предисловие

В ходе Второй мировой войны произошло самое большое в мире переселение народов. Свыше 40 миллионов мирных жителей были насильственно согнаны с мест постоянного обитания и отправлены в другие страны или регионы за сотни, а то и тысячи километров.

Естественно, подобное явление не могло не быть использовано в психологической войне, начавшейся сразу после 9 мая 1945 г. Понятно, что сторонам было выгодно показывать лишь отдельные аспекты насильственного переселения, следствием чего стало полное отсутствие работ общего характера, показывающих все депортации и переселения Второй мировой войны.

Так, в Германии и других европейских странах периодически издаются материалы с описанием зверств поляков и чехов при депортации миллионов немцев в 1945–1949 гг. Главный же упор делается на зверства и массовые изнасилования советскими солдатами как депортируемых немцев, так и местного населения.

Спору нет, факты изнасилования немцев были не единичны, а, видимо, исчислялись десятками тыс. Однако мне неизвестно ни одной войны со времен Античности, где не было массовых изнасилований. Разве что войны амазонок. Характерный пример: в 1944 г. в Италии только в районе Монте-Кассино за несколько недель в битве за монастырь союзное воинство изнасиловало 80 тыс. итальянок от 8 до 80 лет.

А вот выдержка из приказа № 006 от 21 января 1945 г. командира 2-го Белорусского фронта К. К. Рокоссовского: «Во всех случаях незаконных действий военнослужащих Красной Армии по отношению к местному населению (грабеж, изнасилование женщин и т. д.) виновных задерживать, оформлять актом и протоколом и с материалами дознания направлять либо в свою часть, либо в КРО¹ «Смерш».

Можно привести еще целый ряд подобных приказов. Что интересно, антисоветчики-русофобы, с одной стороны, разглагольствуют о массовых изнасилованиях немцев, а с другой – проливают слезы по массовым приговорам военно-полевых судов в 1944–1945 гг.

Советское командование всегда поддерживало дисциплину в частях на самом высоком уровне. Надо ли говорить, что часть, в которой военнослужащие регулярно занимались пьянством, грабежами и насилиями над женщинами, становится малоуправляемой бандой, и вернуть ее в боеспособное состояние можно только массовыми расстрелами.

Отметим, что русофобы, как западные, так и отечественные, возмущаются суровыми запретами советских властей на интимные связи и браки военнослужащих Советской армии, находящихся за границей, с иностранками. То есть если верить русофобам, то советское командование приказывало офицерам и солдатам: «Иди насилуй, но романы ни под каким соусом не затевай». Главное, находятся бараны, верящие в подобную чушь.

Особо исходят желчью русофобы, говоря о массовых переселениях внутри СССР. Так, в учебнике для педагогических вузов говорится:

«Зачем нужно было войскам НКВД и резервным частям советской армии перевозить сотни тысяч невинных людей в необжитые районы, снимая солдат с фронта, занимая тысячи вагонов и забивая железнодорожные пути, до сих пор остается неясным. Вероятно, здесь присутствовала прихоть вождя, получавшего донесения от НКВД об обращениях некоторых представителей национальностей к немецким оккупационным властям с просьбой о предоставлении автономии. Или Сталин рассчитывал одернуть малые народы, чтобы окончательно сломить их стремление к независимости и укрепить свою империю»².

---

¹ КРО – контрразведывательная организация.

² *Поливанов О. А., Рожков Б. Г.* Отечественная история. 1917–1945. Учебное пособие для абитуриентов и студентов гуманитарных факультетов педагогических вузов. СПб., 1997. С. 128.

Увы, все наоборот. Сталин летом 1941 г. еще находился в плену ленинских химер о «пролетарском интернационализме». Сталин не видел разницы между дивизиями, сформированными из мобилизованных жителей Орловской или Калининской областей, и дивизиями, сформированными из мобилизованных уроженцев Прибалтики или Западной Украины.

В итоге свыше 10 дивизий, сформированных из местных уроженцев, попросту разбежались в июне – июле 1941 г., даже не входя в боевое соприкосновение с противником. Мало того, большая часть их личного состава перешла на сторону немцев. То же самое произошло в Крыму с тремя дивизиями из мобилизованных татар.

Надо ли говорить, что совсем иная ситуация была бы при отправке мобилизованных из указанных районов в глубокий тыл, где в ходе селекции наиболее надежных призывников отправили бы россыпью в формируемые части в центральных областях РСФСР. Ну а менее надежных направили бы в стройбаты, в железнодорожные батальоны в Среднюю Азию и т. д. Кто осмелится спорить, что таким способом можно было спасти сотни тысяч жизней наших бойцов?

Превентивные меры были предприняты советским правительством только после массового перехода представителей ряда национальностей на сторону врага.

В 1930-х гг. у населения СССР было много трудностей и проблем. Но русские и иные национальности испытывали равные трудности, а в отдельных случаях «инородцы» имели больше привилегий. Так, в Крыму татары в среднем жили лучше, чем русские. Ну а слово «грузин» в центральных районах России, включая Москву, в 1930-х, да и в 1960-х гг., означало «богач».

Однако русофобская пропаганда ушедших в подполье лидеров националистов и их священнослужителей – попов греко-католиков, мулл, пасторов и др. – сделала свое дело, и значительный процент «инородцев» поверил в то, что «Гитлер-освободитель» только затем и пошел войной на Россию, чтобы дать свободу и независимость прибалтам, украинцам, крымским татарам, грузинам и прочим.

Теперь, когда раскрыта большая часть документации Третьего рейха, стало очевидно, что Гитлер и его соратники не собирались создавать на территории СССР не только что независимых государств, но даже автономий. Ряд народов должны были быть полностью выселены, дабы освободить место германским поселенцам. Оставшиеся народы должны были работать на высшую германскую расу.

Понятно, что антисоветчиков и русофобов не интересовала правда о переселениях и депортациях Второй мировой войны. Они предпочитали смаковать отдельные вырванные из контекста наиболее жестокие эпизоды переселений в СССР, добавляя высосанные из пальца «ужастики».

Чтобы окончательно запутать проблему, либералы затеяли игру в наперстки. У них было три наперстка: «депортированные», «переселенцы», «репатрианты».

И до Второй мировой войны, и сейчас на Западе депортацией считается насильственное переселение гражданского населения из одной страны в другую. А наперсточники добавили в Википедию к этому определению: «или в другую местность». Вроде бы маленькое и на вид невинное дополнение. Но оно кардинально меняет значение термина «депортация».

Так любое насильственное переселение внутри страны будет считаться депортацией. Например, при строительстве любой ГЭС вынужденно происходит отселение тысяч или даже десятков тысяч людей, и они по новому определению все становятся жертвами депортации. Расспросите эти «жертвы», как они, узнав об отселении, срочно прописывали к себе родственников, а красны девицы срочно становились одинокими мамами. И все это делалось, дабы резко увеличить количество депортируемых и получить максимальный метраж на новом месте. Огороды засаживались молодыми плодовыми деревьями и кустарниками, за которые выплачи-

валась хорошая компенсация. А затем эти деревья и кустарники депортируемые выкапывали и благополучно перевозили на новые участки.

У либералов в наперстке с названием «депортируемые» – крымские татары, которые были переселены из одной части СССР в другую, причем на свою историческую родину, откуда, собственно, они и пришли в Крым. Ну а немецкое население города Калининграда и области, депортируемое в 1947 г., они поместили в наперсток «переселенцы». Японцев, насильно выселенных с Курил и Южного Сахалина, поместили в наперсток «репатрианты».

К сожалению, наши историки, даже те, кто считает себя патриотами, молчат, и никто не пытается уличить в мошенничестве и выгнать с вузовских кафедр либералов-наперсточников.

Лично я не люблю изобретать велосипед и в монографии использую давно устоявшиеся термины. Депортация – это переселение гражданского населения из одной страны в другую. Переселение – это принудительное передвижение гражданского населения внутри страны с сохранением гражданства. Ну а репатриация – это возвращение на родину военнослужащих, а также гражданских лиц, оказавшихся на чужой территории в ходе войны.

Так что давайте поставим точки над «i». Надоел детский лепет: «Наш шпион – разведчик, а ихний – шпион».

Политическую же и нравственную оценку депортации и переселению надо давать крайне осторожно. Ведь депортация и переселение существовали со времен Древнего Египта.

Так, кровавые московские правители Иван III, его сын Василий III и внук Иван IV провели грандиозное переселение (депортацию) миллионов людей. После захвата нового государства – Господина Великого Новгорода, Господина Пскова, Смоленского, Тверского и Рязанского княжеств, Вятки (Хлынова) и других территорий – оттуда «выводились все лучшие люди» – князья, дворяне, гражданская администрация, купцы и т. д. А на их место из Москвы, Владимира и других городов присылались «свои люди».

Почему я говорю «переселение» и в скобках «депортация», хотя только что утверждал, что это совершенно разные вещи? Дело в том, что я здесь не хочу вступать в спор с теми историками, которые считают, что Русь с IX века была единой и ее пытались разделить своекорыстные персонажи типа князей Рюриковичей, новгородских посадников, хлыновских ушкуйников и т. д. Для таких историков и верящих им обывателей происходило массовое переселение. Ну а для тех, кто знает фактическую сторону дела, и то, что перечисленные территории были полностью самостоятельными государствами в течение веков, это, естественно, депортация.

Почему наши малограмотные историки считают князя Дмитрия Михайловича Пожарского худародным? Да потому, что Иван Грозный повелел насильственно переселить десятки тысяч людей «в Казанскую землю». В число переселенцев попали князья Стародубские и их ветвь князья Пожарские, прадеды которых были независимыми государями в Стародубском княжестве. Дмитрий Михайлович прекрасно помнил об этом, и в нижегородском ополчении он имел титул «князь Пожарково-Стародубский». Ну а когда тушинская «братва» посадила на престол Мишу Романова, то «спасителю отечества» пришлось подписывать грамоты Мише: «Холоп твой Митька».

Мне малосимпатичны свирепые Иваны и Василии. Но, увы, не представляю иного способа объединить Русь в единое государство. А сравнительный анализ показывает, что короли Англии, Франции и Испании в XIV–XVII веках пролили куда больше крови. И на их фоне Иваны и Василии, говоря современным языком, «умеренные политики».

Что касается Англии, США и Франции, то они в XVIII – первой половине XX века в ходе десятков колониальных войн предпочитали депортации тотальное уничтожение коренного населения. Туземцев в плен не брали принципиально, а семьи «комбатантов» в большинстве своем убивали и частично обращали в рабов. Так, коренное население Северной Америки и Австралии сократилось в 20 раз. А на острове Тасмания размером с Бельгию в середине XIX века аборигены были убиты все до единого.

Опять же в XX веке и без Второй мировой войны происходили грандиозные депортации. Так, согласно Лозаннскому договору 1923 г. были депортированы 500 тыс. греков и столько же турок. Ну а в конце 1940-х гг. при разделе Британской Индии на собственно Индию и Пакистан было депортировано 16 миллионов (!) человек.

И опять же я не уверен, что без раздела в 1923 г. – христиан в Грецию, мусульман в Турцию, а в 1947 г. – мусульман в Пакистан, а индуистов в Индию, не произошло бы страшной бойни с миллионами убитых.

В монографии я расскажу лишь о самых больших депортациях и переселениях Второй мировой войны и первых послевоенных лет. Подробный рассказ обо всех без исключения депортациях и переселениях при таком объеме книги неизбежно превратил бы ее в сухой справочник. Ну а в отдельных случаях оценку переселений давать пока рано, она требует дальнейших исследований и ознакомления с закрытыми на сей день материалами.

Глава 1. Депортация немцев из Польши

Наибольших масштабов депортация немцев достигла в Польше. К концу войны на территории этой страны проживало свыше 4 млн немцев. В основном они были сконцентрированы на германских территориях, переданных Польше в 1945 г.: в Силезии (1,6 млн человек), Померании (1,8 млн) и в Восточном Бранденбурге (600 тыс.), а также в исторических районах компактного проживания немцев на территории Польши (около 400 тыс. человек).

В конце 1918 г. – 1919 г. было воссоздано Польское государство, утратившее самостоятельность еще в XVIII веке. Замечу, что беспредел польских панов, каждый из которых считал себя независимым правителем и мог начинать войну или заключать мир, допек соседние державы, которые в конце концов разделили между собой Речь Посполитую.

В новое государство, созданное Юзефом Пилсудским железом и кровью, были насильно загнаны миллионы русских, белорусов, украинцев, евреев и немцев. Поляки составляли около 60 % населения этого государства. Самое любопытное, что поляками считались различные славянские народы – силезцы, мазуры, кашубы, лемки и т. д.

Статистика по мазурам, лемкам, кашубам и другим народам в Польше никогда не велась. Однако даже сейчас, несмотря на 80 лет принудительной ассимиляции, в Польше насчитывается 330 тыс. кашубов и 180 тыс. полукашубов. (Данные Главного правления Кашубо-Поморского объединения на 2005 г.) Кашубам не давали учиться в школе на родном языке. Детей, плохо говоривших по-польски, даже в 1950–2005 гг. отправляли в школы для умственно отсталых. Запрещались газеты на кашубском языке, а их редакторов отправляли за решетку.

Польские власти с самого начала отказались предоставлять посторонним народам хоть какие-то элементы автономии, пусть даже культурной. В Польше должны были жить только поляки и должна быть единственная конфессия – римско-католическая.

С началом войны союзники начали планировать депортацию германского населения в Центральной Европе.

Еще 15 декабря 1944 г. британский премьер Уинстон Черчилль, выступая в парламентских дебатах, говорил: «Наиболее удовлетворительным и долговечным методом решения проблемы является изгнание. Так мы сможем покончить со смешением народов, которое ведет к бесконечным проблемам и трудностям. Только так удастся навести порядок. Беспокойства по поводу широкомасштабных переселений я лично не испытываю, в современных условиях их можно провести с минимальными потерями».

В феврале 1945 г. «большая тройка» – Черчилль, Рузвельт и Сталин – в принципе договорилась о депортации немецкого мирного населения. Ну а конкретные детали были уточнены в ходе Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.).

Статья 13 протокола Потсдамской конференции оговаривала условия «упорядоченного перемещения германского населения»:

Три правительства, рассмотрев вопрос во всех аспектах, признают, что должно быть предпринято перемещение в Германию немецкого населения или части его, оставшегося в Польше, Чехословакии и Венгрии. Они согласны в том, что любое перемещение должно производиться организованным и гуманным способом.

Далее в документе говорится: «Чехословацкое правительство, польское временное правительство и Союзная контрольная комиссия в Венгрии будут поставлены в известность, им будет предложено воздержаться от дальнейшего выдворения немецкого населения, впредь до рассмотрения соответствующими правительствами доклада их представителей в Контрольном Совете».

Однако чехи и поляки не стали дожидаться инструкций союзников. Этнические чистки в Центральной Европе начались, практически, одновременно с приходом Советской армии.

С подачи Черчилля в статье 13 протокола Потсдамской мирной конференции депортация немцев была обозначена как «orderly transfers of German populations», то есть «упорядоченное переселение немецкого населения». Советские источники называли это просто переселением. Польские – «возвращением немецкого населения» (powrót ludności niemieckiej).

Депортированные немцы, а вслед за ними многие политики, историки и публицисты дали этому явлению совсем другое название – «бегство и изгнание» (Flucht und Vertreibung). Уже в 1946 г. западногерманские епископы обратились к западному миру с призывом не отвечать на преступления нацизма преступлением против немецкого народа. Их поддержал папа Пий XII.

«В феврале 1945 г., после того как Красная Армия углубилась в территорию Германии, был обнаружен заброшенный трудовой лагерь в Згоде под Светочловице, небольшом провинциальном городе на юго-западе современной Польши. Желая осуществления возмездия, польская полувоенная служба общественной безопасности (UBP) приняла решение открыть его заново как «карательный лагерь». Тысячи местных немцев были арестованы и отправлены туда на исполнение трудовой повинности. Местному населению объявили, что в Згоде находится лагерь только для нацистов и немецких активистов. Однако на деле там мог оказаться почти любой. Более того, наряду с бывшими нацистскими узниками там находились люди, арестованные за членство в немецких спортивных клубах, отсутствие при себе документов, а иногда вовсе беспричинно.

Такие пленные, попадая в лагерь, скорее всего, могли догадаться, что их ожидает. Лагерь был окружен забором, находящимся под высоковольтным напряжением, на котором висели зловещие знаки, изображающие череп со скрещенными костями, со словами «опасно для жизни». По словам очевидцев, эти сообщения подкрепляли мертвые тела, висящие на проводах. Пленников встречал у ворот начальник лагеря Соломон Морель и обещал показать, «что такое Освенцим», или, издеваясь, говорил: «Мои родители, братья и сестры были отравлены немцами газом в Освенциме, и я не успокоюсь, пока все немцы не получат справедливое наказание». Во время войны Згода был лагерем-спутником Освенцима: чтобы усилить эту связь, кто-то нацарапал надпись «Arbeit macht frei»³ над его воротами.

Мучения начинались немедленно, особенно для всякого, заподозренного в принадлежности к нацистской организации. Членам гитлерюгенда приказывали лечь на землю, а охранники топтали их либо заставляли петь нацистский партийный гимн «Horst Wessel Song»⁴, подняв руки, а в это время охранники били их резиновыми дубинками. Иногда Морель швырял пленных одного на другого до тех пор, пока их тела не образовывали огромную пирамиду; он бил их табуреткой или приказывал узникам избивать друг друга на потеху охранникам. Время от времени пленных отправляли в камеру наказаний – подземный бункер, где их заставляли часами стоять по грудь в ледяной воде. Особые события отмечались дополнительными избиениями. В день рождения Гитлера, например, охранники вошли в блок № 7 – барак для тех, кого подозревали в принадлежности к нацистской партии, – и начали избивать ножками от стульев. В День Победы Морель взял группу узников из блока № 11 для еще одного избиения в честь праздника.

Условия, в которых были вынуждены жить узники, были умышленно нечеловеческие. Лагерь вмещал всего лишь 1400 человек, но к июлю в нем содержались уже более чем в три с половиной раза больше узников. В момент наибольшего наплыва заключенных в лагере были интернированы 5048 человек. Всех их – немцев либо «фольксдойче», – за исключением 66 человек, плотно набили в семь деревянных бараков, в которых кишели вши. Они не получали пищи в достаточном количестве, не имели возможности помыться. Пищевой рацион обычно урезала жадная лагерная охрана, которая конфисковывала и продуктовые посылки, присыла-

---

³ Труд делает свободным (нем.).

⁴ Гимн Хорста Весселя. Хорст Вессель – один из нацистских официальных героев, автор партийного гимна.

емые озабоченными родственниками с воли. Две трети этих людей ежедневно отправлялись в местные угольные шахты, где иногда работали буквально до смерти. Подозреваемые в принадлежности к нацистам из блока № 7 не ходили на работу, но находились под неусыпным надзором со стороны охранников из UBP внутри лагеря. Когда разразилась эпидемия тифа, больных узников не изолировали, а оставили в переполненных бараках. В результате уровень смертности быстро подскочил вверх: по словам одного узника, работой которого было хоронить мертвых, «ежедневно умирали до двадцати человек».

Каждого, кто пытался спастись из этого ада, немедленно отбирали для особого «разговора». Герхард Грушка, 14-летний немецкий мальчик, попавший в этот лагерь, стал свидетелем наказания, назначенного одному из беглецов, который имел несчастье быть пойманным. Звали беглеца Эрик ван Калстерен. Когда его привели назад в барак, группа охранников избивала его кулаками и прикладами, в то время как остальные заключенные должны были смотреть. По словам Грушки, это было одно из самых жестоких избиений, которые он когда-либо видел: «Эрик... вдруг вырвался от охранников и взобрался на нары. Четверо кинулись за ним сзади и стащили его в центр помещения. Было видно, что они чрезвычайно раздражены такой попыткой сопротивления. Один из них принес из угла железный лом; в том углу у нас стоял бак, в котором мы приносили себе еду. Пропущенный через обе ручки бака лом облегчал переноску, когда тот был полный. Теперь же он стал орудием пытки. Охранники брали его по очереди и били Эрика по ногам с несдерживаемой яростью. Как только он упал на землю, они стали пинать его ногами, поставили снова на ноги и вновь принялись бить железным ломом. В отчаянии Эрик умолял своих мучителей: «Пристрелите меня, пристрелите меня!» Но они били его еще сильнее. Это была одна из самых страшных ночей в Згоде. Каждый из нас думал, что нашего товарища по несчастью убьют».

Каким-то чудесным образом ван Калстерен выжил после этого избиения. Как и Грушке, ему было всего четырнадцать лет. Он был гражданином Голландии и никоим образом не должен был оказаться в лагерном заключении в Польше.

Такие вещи происходили в Згоде каждый день. Неудивительно, что между этим лагерем и нацистскими концентрационными лагерями часто проводят параллель, особенно потому, что начальник лагеря сознательно старался возродить в нем атмосферу Освенцима. Такие параллели в то время проводили и сторонние наблюдатели. Местный священник передал информацию об этом лагере английским официальным лицам в Берлине, которые, в свою очередь, направили ее в министерство иностранных дел в Лондоне. «Концентрационные лагеря не уничтожены, а унаследованы новыми владельцами, – гласит английский доклад. – В Швинтохловице узников, которые не умирают от голода, которых не забивают до смерти, заставляют ночами стоять в холодной воде по шею». Немецкие пленные, которые были освобождены из Згоды, тоже сравнивали свой лагерь с нацистскими лагерями. Один из них, по имени Гюнтер Волльни, имел несчастье побывать и в Освенциме, и в Згоде. «Лучше провести десять лет в немецком лагере, чем один день в лагере польском», – позже заявил он.

Несмотря на все мучения узников в Згоде, именно голод и тиф унесли самое большое число жертв. Однако для тех, кто остался жив, эпидемия оказалась спасением. Подробности вспышки болезни просочились в польские газеты и в конце концов дошли до департамента польского правительства, отвечавшего за тюрьмы и лагеря. Морель получил официальный выговор за ухудшение условий жизни в лагере и применение оружия против заключенных. Один из руководителей лагерной администрации Карол Закс был уволен за урезание порций заключенных. Затем власти приступили к освобождению заключенных или переводу их в другие лагеря. К ноябрю 1945 г. большая часть узников была отпущена на свободу на том условии, что они никогда не расскажут о том, что пережили, после чего лагерь был закрыт.

Согласно официальным данным, из 6 тыс. немцев, прошедших через лагерь в Згоде, умерли 1855 человек – почти треть. Некоторые польские и немецкие историки пришли к

выводу, что, несмотря на свое официальное название «трудовой лагерь», он стал местом, где немецких заключенных намеренно лишали пищи и медицинской помощи, чтобы довести до смерти»⁵.

Подобные условия существовали и в других польских тюрьмах. Так, «в тюрьме польской милиционной армии в Тржебице (немецкий Требниц), например, немецкие узники регулярно подвергались избиениям ради развлечения, часто охрана натравливала на них собак. Один заключенный утверждал, что его заставляли на корточках скакать по камере, в то время как надзиратель бил его палкой с железным наконечником. Тюрьмой в Гливице (или Гляйвиц) руководили евреи, пережившие Холокост, которые использовали ручки от метел, приклады и подпружиненные дубинки, чтобы с их помощью выбивать признания из немецких военнопленных. Выжившие в тюрьме в Клодзко (или Глатц) рассказывают о заключенных, которым «выбивали глаза резиновыми палками», и прочих всевозможных видах насилия, включая убийства.

Женщины страдали точно так же, как и мужчины. В трудовом лагере в Потулице женщин регулярно насиловали, избивали и подвергали сексуальному садизму служащие лагеря. Что еще хуже, их детей разлучили с ними и разрешали видеться по воскресеньям в течение часа-двух. Одна свидетельница даже утверждает, что это было частью широко применявшейся политики отъема детей с целью их ополячивания, что напоминало попытки нацистов онемечивать польских детей во время войны, – хотя, вероятно, это эмоциональный ответ на боль, причиненную разлукой со своим ребенком на полтора года. Другие заключенные Потулице рассказывают, что, когда они находились на работе, их заставляли раздеваться и загоняли в жидкий навоз; они даже стали свидетелями того, как один охранник поймал жабу и заталкивал ее в рот немецкого пленного до тех пор, пока тот не задохнулся.

Однако, наверное, самый печально известный польский лагерь находился в Ламбиновице, или Ламсдорфе, – под этим названием он был известен своим обитателям-немцам. Бывший лагерь для военнопленных заново открыли в июле 1945 г. как трудовой лагерь для немецких гражданских лиц, ожидающих репатриации с территории новой Польши. Во главе лагеря стоял двадцатилетний Чеслав Гжеборски – «развратного вида поляк, который разговаривал только пинками».

По словам одного из первых узников, зверства начались почти сразу же. Вечером в день приезда этот человек и сорок других узников были разбужены и выгнаны из бараков на лагерьный двор, где их заставили лежать на земле, а в это время охранники прыгали по их спинам. Потом пришлось бегать по двору, подвергаясь ударам плетей и прикладов. Всякий, кто падал на землю, немедленно подвергался нападению охранников. «На следующее утро мы похоронили пятнадцать человек, – заявляет свидетель. – Несколько дней после мне было очень больно передвигаться, я мочился с кровью, и сердце плохо работало. А пятнадцать человек лежали в земле».

Когда пару дней спустя пришел первый большой транспорт с заключенными, зверства продолжились. В избиениях участвовали не только польские охранники, но и их немецкие ставленники, особенно «старший по лагерю» садист фольксдойче – пленный из Люблинца по имени Йоханн Фурман. «На моих глазах он ударом убил младенца, когда мать попросила для него супа, который в Ламсдорфе давали самым маленьким детям. Затем он стал гоняться по двору за матерью, которая все еще прижимала к себе крошечное окровавленное тело, нанося ей удары плетью... потом ушел в свое помещение со своими «помощниками» доедать суп, предназначенный для детей».

По словам того же свидетеля, лагерные охранники постепенно становились все более и более изобретательными в своем садизме. Для развлечения комендант лагеря заставлял одного из мужчин залезать на дерево, стоявшее во дворе, и кричать оттуда: «Я большая серая обе-

---

⁵ *Lou Kum*. Жестокий континент. Европа после Второй мировой войны. М.: Центрполиграф, 2013. С. 180–184.

зьяна»; при этом он и охранники смеялись и стреляли в него наугад до тех пор, пока он в конце концов не падал на землю. Наверное, самым отвратительным является описание этим свидетелем того, что произошло с женщинами из близлежащей деревни Грюбен (теперь Грабин в Польше). Их послали раскапывать братскую могилу, обнаруженную возле лагеря, в которой нацистами были захоронены тела сотен советских солдат, умерших в этом лагере для военнопленных. Женщинам не дали перчаток или какой-то другой защитной одежды. Было лето, и тела, находившиеся в сильной стадии разложения, издавали невыносимое зловоние.

«Когда трупы уже лежали под открытым небом, женщин и девушек заставили лечь лицом вниз на эти скользкие, мерзкие трупы. Прикладами ружей польские боевики заталкивали лица своих жертв глубоко в ужасающий гной. Человеческие останки забивались им в рот и нос. Шестьдесят четыре женщины и девушки умерли в результате этого «подвига» поляков».

Достоверность подобных рассказов невозможно проверить, и, вполне возможно, они могут быть сильным преувеличением. Однако существуют фотографии эксгумации, более того, польские историки признают, что женщин заставили делать это без перчаток или защитной одежды. Многие подробности подтверждают другие выжившие в этом лагере. Одна заключенная рассказала, что ее сына Гуго тоже заставили выкапывать мертвые тела голыми руками, а степень разложения трупов была такая, что слюнь промочила насквозь его ботинки.

В Ламбиновице, бесспорно, царил повседневный садизм. Несколько свидетелей подтверждают, как людей избивали до смерти или расстреливали за попытки побега. Наказания полагались за самые пустячные проступки, вроде желания сбежать в американскую зону Германии (за что один подросток был якобы избит до смерти) или разговора с представителем противоположного пола. Одна женщина утверждает, что закричала от радости, когда обнаружила своего мужа живым в лагере, и в результате в наказание их обоих связали и заставили три дня стоять лицом к солнцу.

Наряду с атмосферой насилия узники были вынуждены выносить самые ужасные условия жизни. Как и в других лагерях, им давали очень мало еды – обычно пару вареных картофелин два раза в день и пустую похлебку на обед. Условий для соблюдения гигиены не было, и даже простыни, в которые заворачивали мертвых, использовались неоднократно, как и соломенные матрасы в больнице. По словам одного из лагерных могильщиков, вши на трупах, которые он хоронил, иногда были «длиной до 2 см». Неудивительно, что, как и в других лагерях, больше всего людей уносили в могилу два зла – болезни и плохое питание. Согласно польским источникам, 60 % смертей в этом лагере были вызваны тифом, еще больше – сыпным тифом, дизентерией, чесоткой и другими болезнями.

В памяти тех, кто выжил в этом лагере, он остался как картинка из ада. К тому времени, когда людей освободили и отправили в Германию, они уже потеряли свои дома, имущество, здоровье и иногда до половины своего веса, но именно психологический груз – осознание тяжелой утраты – давил на них больше всего. Как объяснила одна женщина спустя пару лет после тяжких испытаний: «В лагере я потеряла свою десятилетнюю дочь, мать, сестру, брата, невестку, золовку и деверя. Будучи сама при смерти, я сумела попасть на транспорт, шедший в Западную Германию, со своей другой дочерью и сыном. Мы провели в лагере четырнадцать недель. Больше половины населения моей деревни погибло... Мы очень ждали прибытия моего мужа. В июле 1946 г. до нас дошла страшная весть: он стал жертвой того лагерного ада, как и многие другие после нашего отъезда...»

<..>

Самый, пожалуй, известный инцидент, имевший место в Ламсдорфе, – пожар в одном из барачков в октябре 1945 г. Никто точно не знает, как он начался, но хаотические события, последовавшие вслед за этим, довольно подробно отражены в документах. По словам свидетелей-немцев, лагерная охрана использовала такой случай как повод для бойни. Они открыли огонь, без разбора убивая тех, кто просто пытался потушить пожар, а потом стали швырять

заклученных в пламя. После пожара узникам пришлось копать братские могилы. Тела пациентов из барака для выздоравливающих захоронили там же. Некоторых застрелили, многих просто избили до потери сознания и похоронили заживо.

Когда коммунистическому правительству Польши в 1965 г. были предъявлены эти рассказы очевидцев, поляки категорически все отрицали. По их версии событий, после начала пожара заключенные воспользовались случаем начать бунт, который польские охранники были вынуждены подавлять силой. Правительство твердо поддержало коменданта лагеря Чеслава Гжеборски, заявив, что он не виновен в преступлениях, которые ему инкриминируют. Более того, поляки утверждали, что подобные истории – всего лишь пропаганда немецкого политического лобби, единственная цель которого – дискредитировать Польшу и заставить ее вернуть земли, отошедшие к ней по Потсдамскому соглашению в 1945 г.

Спор о количестве погибших во время и после пожара шел яростный. Наименьшую цифру – 9 человек – озвучил мужчина, который хоронил их тела, что признано даже послевоенными польскими коммунистическими властями. Однако некоторые свидетели-немцы утверждают, что это невероятная недооценка. Лагерный врач, немец Хайнц Эссер, заявил, что Гжеборски намеренно велел ему перенести тела в три различных места, чтобы осложнить подсчеты. А женщин и детей он заставил копать могилы в стороне от официального места захоронения. Эссер тайком составил список жертв пожара по категориям: погибших в самом пожаре, расстрелянных вокруг него, похороненных заживо после пожара и умерших от ран в последующие дни. Он предоставил окончательное число погибших – 581 человек. К сожалению, эта цифра противоречит тем данным, которые Эссер дал несколькими годами ранее, когда заявил, что погибли только 132 человека. Учитывая ненадежность рассказов очевидцев, отсутствие должных документов и сильно накаленную политическую атмосферу, преобладавшую после войны, невозможно сказать, сколько все же человек погибло в Ламсдорфе в тот день. Разница между цифрами 9 и 581 огромна. (В 2001 г. на суде над комендантом лагеря Чеславом Гжеборски было озвучено число погибших вокруг этого пожара – 48 человек.)

Подобный спор возник и по вопросу общего числа умерших за тот год, что работал лагерь. Согласно цифрам Хайнца Эссера, с 1945 по 1946 г. в нем умерли 6488 человек. Коммунистические власти Польши снова отмахнулись от этой цифры, заявив, что в Ламсдорфе интернированы лишь 4 тыс. человек, потому цифры Эссера просто невозможны. Согласно самым последним польским исследованиям, вероятнее всего, в лагере было 6 тыс. узников, и около полутора тысяч из них умерли. Имена 1462 человек известны.

Эти споры вокруг цифр – не просто отвлеченные разногласия, здесь замешаны сильные эмоции как на личностном, так и на национальном уровне. 9 погибших в пожаре – это несчастный случай, но десятки, возможно, сотни намеренно сожженных и похороненных заживо людей – это зверство. Несколько сотен смертей от тифа – это трагедия, которой, вероятно, было невозможно избежать, но умышленное доведение до смерти от голода и лишение медицинской помощи тысяч людей – это преступление против человечности. Цифры крайне важны, поскольку свидетельствуют сами за себя.

Глядя на этот вопрос в национальном масштабе, можно отследить огромное несоответствие между цифрами немцев и поляков. В исследовании, проведенном министерством по делам высланных, беженцев и жертв войны, которое было передано на рассмотрение парламенту Германии в 1974 г., утверждалось, что после войны в польских трудовых лагерях были заключены 200 тыс. человек, включая лагеря Ламсдорф, Згода, Мысловице и тюрьму НКВД в Тошеке. Общий уровень смертности в них составил, по оценкам исследования, от 20 до 50. Это означало, что в них умерли от 40 до 100 тыс. человек, хотя в докладе утверждалось: «Безусловно, в них умерли более 60 тыс. человек»⁶.

---

⁶ *Lou Kum.* Жестокий континент. Европа после Второй мировой войны. М.: Центрполиграф, 2013. С. 184–190.

В 1945 г. целые польские деревни специализировались на грабежах депортируемых немцев, «...мужчин убивали, женщин насиловали. Ну, грабили, само собой...» В зиму 1945/46 г. смертность в лагерях депортированных немцев достигала 50 %... В лагере Потулице в период между 1947 и 1949 гг. от голода, болезней и издевательств со стороны охранников погибла половина заключенных. По оценкам Союза изгнанных немцев, общие потери немецкого населения в ходе изгнания из Польши составили около 3 млн человек⁷.

Зверства поляков ужаснули даже советских дипломатов. Так, советский советник В. Г. Яковлев 1 декабря 1945 г. в беседе с польским министром иностранных дел В. Жимовским специально поднял вопрос о депортации немцев: «Далее я сообщил Жимовскому о беспорядке и неорганизованности в отправке высылаемых из Польши немцев.

Я сказал Жимовскому, что о прибытии поездов с немцами на польско-советскую границу советские военные власти в Германии не уведомляются.

Перевозка немцев совершается в самых антисанитарных условиях. Немцы прибывают ограбленные и больные от недоедания. Честь эвакуированных не выдерживает тяжелых условий и умирает в дороге»⁸.

Понятно, что товарищу Яковлеву не светило появление на западе избитых, окровавленных, изнасилованных немецких женщин и детей. Он предвидел, что западные дипломаты и СМИ спишут всё на Красную Армию.

А вот что рассказывают сами депортируемые:

«В воскресенье 1 июля 1945 г. приблизительно в половине шестого вечера подразделения польской армии подошли к деревне Махусвердер в Померании, населению приказали в течение тридцати минут собрать вещи и уехать. Почти все жители деревни были немцами, и в основном женщины, дети и старики, поскольку большинство мужчин уже давно пропали на войне. Сбитые с толку и испуганные селяне начали складывать свои пожитки, семейные фотографии, одежду, обувь и другие необходимые вещи, которые могли поместиться в сумки и ручные тележки. Они собрались у своих домов и на дороге, которая проходила через деревню. Затем под надзором поляков отправились пешком в направлении новой польско-немецкой границы, расположенной в шестидесяти километрах.

Среди них была жена фермера и мать троих детей по имени Анна Кинтопф. Позже, в своих показаниях под присягой, сделанных для правительства Германии, она описала тяжелые испытания, выпавшие ей и другим жителям деревни. Путешествие, по ее словам, длилось шесть дней, дорога проходила по разрушенной местности, покрытой обломками и следами таких же пеших переходов к границе других беженцев. На первое мертвое тело они наткнулись за пределами Ландсберга, то была женщина с синим лицом, распухшая от процесса разложения. Потом трупы стали привычным зрелищем. В лесу, через который они проходили, попадались тела и животных, и людей, головы и ноги которых торчали из земли их слишком мелких могил. Иногда люди из ее окружения погибали от изнеможения. Некоторые, включая ее собственную дочь Аннелору, заболели, потому что пили нечистую воду из канав и колодцев, расположенных вдоль своего пути, иные погибали от голода.

«Большинство переселенцев в пути питались исключительно тем, что находили в полях, или незрелыми фруктами, которые росли на обочине дороги. У нас было очень мало хлеба. В результате многие заболели. Маленькие дети до года почти все умерли в дороге. Не было молока, и, даже если матери варили для них густой суп, путешествие для них слишком растянулось. А еще губительны перемены погоды – то палящее солнце, то холодные ливни. Каждый день мы продвигались чуть дальше, иногда проходили девять километров, иногда только три,

---

⁷ Чунухин В. М. Забытая депортация // Материалы сайта http://zhurnal.lib.ru/c/chunihin_w_m/deportdoc.shtml

⁸ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. I. 1944–1948 гг. / Под ред. Т. В. Волокитина, Т. М. Исламова и др. М. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 317.

потом двадцать или больше... Я часто видела людей, лежащих на обочине дороги, с синими лицами, которые задыхались; людей, упавших от усталости и так и не сумевших подняться».

Ночи они проводили в разрушенных домах или сараях, но часто в них было так грязно, что Анна сама предпочитала оставаться на открытом воздухе. Она спала в стороне от всех, и это также спасло ее от ограбления поляками, которые, пользуясь покровом ночи, грабили беженцев. Ночью она часто слышала выстрелы: так нападавшие расправлялись с теми, кто пытался защитить свои пожитки...

«Поляки вели себя как вандалы... мародерствовали, обыскивали, насиловали». «Поляки отнимали у нас все, что находили, ругали нас, плевали нам в лицо, хлестали и били нас». «К нам постоянно приставал и грабил всякий сброд». Криминал сочетался с официальной политикой конфискации всего ценного, что немцы пытались унести с собой. Согласно правилам, составленным польским правительством, немцам не разрешалось вывозить из страны более 500 рейхсмарок и иную валюту. Никаких уступок не делалось даже тем, кто занимал активную пропольскую позицию или боролся с нацистами во время войны. С антифашистами и немецкими евреями обращались точно не лучше, чем с любыми другими немцами, – их определяла «немецкость», а не деятельность во время войны или политические взгляды»⁹.

Повторяю, это были не те немцы, которые воевали с поляками, всех мужчин от 15 до 60 лет давно забрали в вермахт и фольксштурм. Остались калеки, старики, женщины и дети, предки которых много столетий жили в этих городах и селениях.

Любопытно, может ли кто-нибудь из наших «русскоязычных» либералов толком объяснить, чем отличались действия поляков против немецкого мирного населения от обращения всяких там Мнишков, Сапег, Лисовских и К^о в 1605–1618 гг. с «русскими схизматиками», или от проказ поляков в 1920 г. на Украине, когда паны зашивали живых кошек в животы живым красноармейцам и заключали пари, кто вперед умрет – «кот или большевик».

За последние 50 лет на Западе и особенно в Польше написаны десятки книг и тысячи статей о зверствах красноармейцев в 1944–1945 гг. И тоже ничего о зверствах поляков по отношению к немцам.

Никто не спорит, в любой армии встречаются мародеры и насильники. Были они и в РККА. Большинство из них совершали свои преступления безнаказанно. Но десятки мародеров и насильников были расстреляны по приговорам военно-полевых судов. Зачастую советское командование специально стогняло немецкое население на стадионы или площади и публично расстреливало насильников и мародеров.

Любопытно, что в воспоминаниях немцев, которым удалось выжить при депортации из Польши, часто говорится, как советские солдаты защищали их от расвирепевших поляков. Да и просто без эмоций: «Наша колонна беженцев старалась не отставать от колонны русских, поэтому поляки боялись на нас нападать».

---

⁹ *Lou Kutz*. Жестокий континент. Европа после Второй мировой войны. С. 301–303, 305.

Глава 2. Депортация поляков поляками

В истории Второй мировой войны в СССР и РФ считается, что немцы напали на поляков. Еще пан Пилсудский утверждал, что в Польше живут одни поляки.

Увы, немцы были не единственными жертвами польского геноцида. Польское государство до 1950 г. никогда не было мононациональным. (Сейчас государство считается мононациональным, если свыше 95 % его населения принадлежит к одной нации.)

Поляки любят козырять цифрой потерь поляков во Второй мировой войне – 6 млн человек. Цифра дутая, что доказано многими историками. Кстати, как насчет более чем 600 тыс. поляков, надевших форму вермахта или СС, зачислены ли они в эти липовые 6 миллионов?

Доподлинно известно, что погибло 2,8 млн польских евреев. Споры нет, большинство евреев убили немцы. Но поляки им в этом активно способствовали.

Приведу лишь один эпизод. 10 июля 1941 г. в деревне Едвабне на советской территории, откуда уже ушли советские войска, солдаты Армии Крайовой и простые ляхи перебили евреев всех до одного. Всего погибло свыше 15 тыс. человек.

Ну а после войны поляки поставили в Едвабне памятник евреям, убитым... немцами. Спасибо, поляки хоть НКВД не приплели, как в Катыни. Полвека жители Едвабне ходили мимо памятника, читали надпись и... посмеивались в усы. Обнаружилось все случайно в 2001 г. благодаря американскому историку Яну Томашу Гроссу.

Доказательства были неоспоримы, но на это паны всегда плюют, а в этом случае Варшаве было не резон ссориться с Израилем и США. И вот в 2001 г. президент Польши Александр Квасневский принес извинения еврейскому народу за это преступление.

Всего же, если верить Википедии, поляки в годы войны убили десятки тысяч евреев.

Ну а после ухода немцев по Польше прокатилась волна погромов, в ходе которых только с ноября 1944 г. по декабрь 1945 г. погиб 351 еврей. В ходе погрома в Кельце было убито 40 и ранено 50 евреев.

Сейчас поляки постоянно разглагольствуют о любви польского народа к евреям. Но почему после освобождения Польши от германской оккупации все уцелевшие евреи кинулись оттуда кто куда? В мае 1946 г. из Польши уехало 3 тыс. евреев, в июне – 8 тыс., в июле – 19 тыс., в августе – 35 тыс.

Еврейские погромы в Польше в XX веке не новость. А ведь кроме евреев, немцев, белорусов и украинцев в Польше жили миллионы славян – мазуров, кашубов, силезцев, лемков и др. Советские и нынешние демократические историки писать о них не изволили и не изволят. Почему? Да потому, что все польские коммунисты и антикоммунисты во всю глотку вопят: таковых народов нет и не было никогда.

Увы, если украинцы и белорусы как народы заявили о себе лишь в XX веке, то силезцы, мазуры и кашубы существовали уже в XIII–XV веках.

В XI веке мазуров называли мазовшанами (племенной союз), а сама Мазовия находилась в районе Варшавы. Мазовецкое княжество до 1526 г. было независимым от Польского королевства. В XIV–XVIII веках переселенцы из северной части Мазовии колонизировали южные районы земель Тевтонского ордена и с того момента стали зваться мазурами.

К XIX веку «мазуры сохранились по деревням, где жили компактными общинами. Немцами они не стали, но и поляками себя не чувствовали и, за исключением немногочисленных пропольских деятелей, по Польше не тосковали. «Хотя мазур знает и сам признает, что польски говорит, однако же редко услышишь из его уст, что он поляк, скорее он тебе ответит, что пруссак», – писал (в последней четверти XIX века) Войцех Кентшинский, польский исследователь истории мазуров.

Мазуры смешивались с немцами, литовцами, потомками языческих пруссов и другими народами...

От немцев мазуры переняли этику труда, от протестантских миссионеров из Германии – религию. Мазуры в противоположность жителям Вармии были протестантами, главным образом евангеликами. Кентшинский вспоминал, что мазур «поляков уже хотя бы из-за религии не любит». Религия на протяжении столетий усиливала у них чувство обособленности от католиков из Польши...

Гитлер забывал об их по преимуществу славянском происхождении и признавал, что мазуры могут стать частью немецкой национальной общности. Это была награда, на которую до сих пор мазуры не могли рассчитывать, – говорит профессор Саксон. Когда Гитлер пришел к власти, в Мазурии начались большие общественные работы, там раздавали стипендии молодым людям, которых сильно накачивали нацистской доктриной. А мазурам постарше, говорившим по-польски, никаких неприятностей не чинили – в соответствии с принципом: что старое, то пусть умрет само.

Как и все мужчины в Третьем Рейхе, мазуры попадали в вермахт»¹⁰.

Ну а после того, когда немцы были изгнаны Красной Армией с территории Восточной Пруссии, поляки устроили мазурам кровавую бойню. Сколько их было убито, до сих пор неизвестно.

«После бегства немцев начались также грабежи. Масштабы расхищения брошенного имущества, обирания покинутых домов и квартир, всяческого мародерства могут сегодня казаться неправдоподобными: воры даже разбирали дома, так как кирпич был в цене. Таким образом, например, в Пишском повете несколько деревень исчезло с карты. Случалось, что у расхитителей и мародеров имелись «документы», наделяющие их правом на реквизицию и выданные властями Варшавского воеводства, временами грабители приезжали в сопровождении милиции.

Но если у мазура только до нитки обобрали дом и хозяйство, а его самого оставили в покое, то он мог радоваться. В Мазурию начали прибывать переселенцы из-за Буга, а также крестьяне из северной Мазовии и Подлясья, которые силой вышвыривали мазуров из их исконных владений, унаследованных от отцов и дедов...

Защититься было трудно даже тем, кто до войны высказывался в пользу Польши и выбирал ее. Освальд Гуральский, житель деревни Стембарк, вспоминает сегодня человека из-под Млавы, въехавшего в его родной дом. Доказательством сотрудничества Гуральского с гитлеровцами должны были послужить обнаруженные там книги на немецком языке, в том числе «Крестonosцы» и «Огнем и мечом» Сенкевича.

Эрвин Крук, известный мазурский писатель, живущий сегодня в Ольштыне, был лишен отцовского наследия более хитроумным способом: новые поселенцы позаботились о том, чтобы уничтожить старые книги регистрации прав на недвижимость, а в новую вписать свои фамилии. До сего дня суд не знает, как поступить, и дело тянется до бесконечности. Крук описал его в книге «Наследство» и радуется, что по крайней мере благодаря собственным разысканиям в приходских книгах хотя бы восстановил родословную своей семьи...

После таких испытаний мазуры уже не хотели оставаться в Польше. Большинство отказывалось подписывать бумаги о лояльности к новому государству и не принимало паспортов ПНР, чтобы иметь право добиваться выезда в Германию. В первые послевоенные годы туда отправилось несколько десятков тысяч мазуров, с момента оттепели 1956 г. и до падения ПНР – еще 100 тыс. ...

Сегодня в Польше обитает 6—10 тыс. законных жителей этой земли, больше всего – в гмине Сорквиты, где сохранился единственный деревенский приход Евангелической церкви

---

¹⁰ Геремек Р. Польские пруссаки // Материалы сайта: <http://www.novopol.ru/index.php?id=1690>

Аугсбургского исповедания. Они-то и поддерживают последний огонек мазурского духа. Дачники из Варшавы шутят, что хотя мазуров осталось так мало, но настоящих легко распознать: они не пьют на работе и во всём проявляют солидность»¹¹.

Я умышленно привожу длинные цитаты, дабы не быть обвиненным в предвзятости к полякам.

От мазуров перейдем к кашубам. Кашубы считаются прямыми потомками древнеславянского племени поморян, которые заселяли территории современных Поморского, Западно-Поморского и Куявско-Поморского воеводств Польши. Предполагается, что предки кашубов пришли в местность между реками Одер и Висла во время великого переселения народов. Первое упоминание о кашубах относится к XIII веку (печать герцога Барнима I Померанского).

В Польше неоднократно делались попытки доказывать, что язык кашубов – не самостоятельный славянский язык, а лишь наречие польского языка, то есть его диалект, поэтому кашубам отказывалось в статусе самостоятельного славянского народа.

В свою очередь, украинский историк и лингвист Пантелеймон Кулиш (1819–1897) утверждал, что языки поляков и кашубов различаются куда больше, чем великорусский язык и галицийская (украинская) мова.

Часть кашубов выбрала католицизм, а часть – лютеранство.

И вот в 1945 г. поляки с присоединенных территорий депортировали почти всех кашубов-евангелистов, а заодно и родственный кашубам молодой народ – словенцев. Кашубов-католиков в основном не трогали, но и не признавали национальным меньшинством.

С 1945 по 1989 г. польские власти в национальной политике исходили из концепции этнически однородного государства. До 1956 г. термин «национальные меньшинства» в Польше вообще не использовался. Польша – для поляков! Запрещалось издание газет и книг на кашубском языке. Детей, разговаривавших по-кашубски, строго наказывали. Ну а неисправившихся отнимали у родителей и отправляли в психиатрические больницы.

Когда впервые были произнесены слова «Силезия» и «силезцы», неизвестно. Во всяком случае, в 1138 г. при разделе Польши между сыновьями Болеслава Кривоустого Силезию получил старший сын короля Владислав. В 1146 г. Владислав признал над собой сюзеренитет Священной Римской империи, но вскоре был изгнан. В 1163 г. император Фридрих I Барбаросса выступил в пользу его сыновей, лишенных престола, занял Силезию и дал им там власть. Из них Болеслав I Долговязый стал основателем герцогства Бреславль (Нижняя Силезия); Мечислав – основателем княжества Ратибор (Верхняя Силезия), а Конрад – княжества Глогау. Но последний в 1178 г. скончался, не оставил наследников, и его владения были присоединены к герцогству Бреславльскому.

До 1526 г. Силезией правили свои династии князей, а в 1526 г. Силезия вместе с Чешским королевством отошла к австрийским Габсбургам в состав Священной Римской империи. В 1742 г. Силезия перешла от Австрии к Пруссии.

В 1919 г. Антанта разделила Силезию, несмотря на результаты референдума, по которым 60 % силезцев пожелали остаться в составе Германии, а 40 % – войти в Польшу. Нижняя Силезия осталась немецкой, а Верхняя перешла к полякам. При этом премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж изрек: «Отдать Силезию полякам – все равно, что часы обезьяне».

В Верхней Силезии в 1920–1938 гг. имелись крупные автономии и даже функционирующий собственный сейм, который регулировал социальную, образовательную и культурную политику.

Почему же пан Пилсудский и его бравые полковники проявили такой либерализм по отношению к силезцам? Ведь ни украинцы, ни белорусы, ни лемки о подобном и мечтать не могли. Ларчик открывается просто: паны претендовали и на Нижнюю Силезию, и местный

---

¹¹ Геремек Р. Польские пруссаки // Материалы сайта: <http://www.novopol.ru/index.php?id=1690>

сейм и иные послабления в Верхней Силезии должны были служить пряником силезцам, проживавшим в Германии.

Ну а в 1945–1947 гг. поляки депортировали из Нижней Силезии всех подряд – и немцев, и силезцев.

Ну а в Верхней Силезии была проведена основательная чистка. Силезцев с непольскими фамилиями и протестантов депортировали.

Польский публицист Эмиль Зин писал: «В послевоенной Польше на Силезию смотрели как на трофей»¹². Автономии и собственный сейм, естественно, упразднили, а силезский язык объявили вне закона.

В результате по переписи 2002 г. в Польше силезцами назвали себя только 173 тыс. человек. А по переписи 2011 г., которая позволяла дать один или два ответа о национальности, силезцами себя признали более 817 тыс. человек (418 тыс. указали силезскую как первую национальность, из них 362 тыс. как единственную, 399 тыс. указали силезскую как вторую национальность в основном после польской).

Возникли Союз населения силезской национальности и движение «Автономия Силезии».

Эти цифры вызвали шок в Варшаве – оказывается, у них есть какие-то нацменьшинства! Тот же публицист Эмиль Зин заметил:

«Есть харизматический лидер, есть группа ведомых, есть идея и цель – автономия Силезии. Этой идее способствует и социально-политическая ситуация в Европе, тяготеющей к регионализации этнических регионов. Силезия прекрасно вписывается в этот проект.

Чего опасаются правящие элиты Польши? Того, что силезцы, получив автономию, добьются экономических успехов, отстроив шахты, затопленные после вступления Польши в ЕС, уменьшив безработицу, вместо зрелищ дадут хлеб.

И что сейчас? Какие-то сказки, сны о могуществе, о Польше «от моря до моря», безнаказанно скармливаемые гражданам Польши. Снова очередная годовщина в память о народных катастрофах Польши? Очередные мероприятия в память о... поражении!»¹³

«Политически активные силезцы уверяют, что они не против Польши и не за Германию, но за особый статус края под властью Варшавы. На самом деле многие немецкие бизнесмены и общественные деятели активно поддерживают автономистов. Параллельно растут немецкие инвестиции в экономику региона, а поток гастарбайтеров из Силезии в ФРГ обеспечивает популярность немецкого языка среди силезцев»¹⁴.

А теперь перейдем к малознакомому для русских народу – лемкам.

«Лемки – ближайшие соседи подкарпатских русинов. Правда, уже скорее бывшие соседи, ибо их количество в пограничных районах Польши и Словакии просто мизерное. Небольшая часть их и сегодня живет на Подкарпатской Руси, органично объединившись с местными русинами или после 60 лет «свободы» приняв украинскую идентичность. Однако, например, в США или Канаде именно лемки зачастую составляют основу русинских, а иногда и украинских национальных сообществ. Эта особенность связана с массовым исходом лемков в страну обетованную несколькими эмиграционными волнами. А вот трагическая судьба лемков, оставшихся на исторической Родине, вплотную связана с судьбой подкарпатских русинов и может служить примером для школьных учебников об уничтожении целого народа в уже «цивилизованном и свободном» мире»¹⁵.

---

¹² Материалы сайта: <http://www.news-balt.ru/detail/?ID=8194>

¹³ Материалы сайта: <http://www.news-balt.ru/detail/?ID=8194>

¹⁴ Материалы сайта: <http://ua-reporter.com/novosti/32645>

¹⁵ Материалы сайта: <http://rusiny.info/article/157/>

В XVIII–XIX веках территорию, заселенную лемками, немцы и поляки именовали Лемковщиной. Так же ее называло в просторечии и население, а иногда говорили – Лемковская Русь.

«Русь, как национально-религиозное понятие, как большая Родина, частью которой являлась и малая родина Лемковщина, по сути традиционно была основополагающим элементом лемковской картины мира. С другой стороны, этноним лемки, ставший символом и этнографических, и идеологических отличий лемковского населения от преимущественно принявших украинскую идентичность восточных соседей, активно противопоставлялся и противопоставляется другому новому этнониму – украинцы. Лемковский историк о. Иоанн Полянский (1888–1972, псевд. Лемкин), следующим образом отозвался о национальной принадлежности и этнонимии лемков: «Лемки национально налегают до великой родины славянско-русской. Название «Русь» было для них навсегда святым, а идея славянска лежала всегда глубоко в их сердцах. <..> Сами называют себе Русинами, Русскими, Руснаками, Лемками»¹⁶

---

¹⁶ Дронов М. Лемки и Лемковщина. Страницы истории и культуры самой западной Руси // Материалы сайта: <http://www.ukrstor.com/ukrstor/vestnik20061-dronov.html>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.